

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ:

**ДИСКУССИИ,
НОВЫЕ
ПОДХОДЫ**

Выпуск 1

Ответственные редакторы:

дكتور исторических наук А. О. ЧУБАРЬЯН,

дكتور исторических наук В. В. СОГРИН

Москва «Наука» 1989

проблем, начиная с источникового уровня. Но пока мы располагаем бóльшим навыком коллективного обобщения, чем коллективного исследования.

Без разработки проблем нет науки. Университетским преподавателям нередко приходится слышать от студентов обоснованные упреки: проблемы вытеснили «живую» историю, историю людей, событий, явлений.

Социальная роль исторической науки в обществе за последние годы резко возросла. Но это возрастание еще не в полной мере подкреплено как материальными ресурсами, так и теоретическим обновлением арсенала науки. Понимание трудностей, переоценка нашего отношения к ряду проблем, в том числе и к проблеме актуальности, необходимы для дальнейшего продвижения науки вперед.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ:
ВЫБОР ПУТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

Б. Г. Могильницкий

Одной из наименее разработанных в советской науке историко-теоретических проблем является проблема исторической необходимости и исторической закономерности. Над нею в течение длительного времени довели догматические представления, канонизированные в «Кратком курсе» истории ВКП(б), отождествляющие закономерности

развития природы и общества. «Если, — утверждалось там, — связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает (выделено нами. — Б. М.), что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни — представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества»¹. Проблема исторического детерминизма сводилась таким образом на уровень натуралистического материализма, возрождая домарксистские представления о человеческой истории как простом продолжении эволюции природы, подчиняющемся таким же неотвратимым по характеру своего действия законам, какими являются естественные законы.

Об этом приходится говорить сегодня потому, что влияние таких формулировок оказалось необычайно стойким, они проникли даже в современную историческую публицистику. Историческая закономерность подчас отождествляется с судьбой или предопределением². Более того, положение о том, что объективная закономерность исторического развития действует помимо воли и желания отдельных лиц, возводится в ранг «азбучных истин марксизма»³.

Показательно, что и современные критики марксизма по существу исходят из подобного понимания его «азбучных истин».

¹ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938. С. 109.

² См., например: Клямкин И. Какая улица ведет к храму // Новый мир. 1987. № 11. С. 150.

³ См.: Глаголев В. Художественная история и исторические судьбы // Правда. 1988. 10 янв.

Марксистское учение об обществе квалифицируется как «экономическая детерминистская модель исторического объяснения»⁴. При этом конструируется якобы присущее марксизму противопоставление действия безличных сил материального производства, воплощающих историческую необходимость, историческому творчеству человека. Бездоказательно утверждается, что «основная идея исторического и диалектического материализма» заключается в отождествлении развития общества и эволюции природы. Марксизм определяется как «род прикладного дарвинизма». Соответственно искажается марксистское понимание исторических законов как якобы простого продолжения естественных законов, после чего объявляется «шарлатанством» всякая попытка «конструировать историческую закономерность»⁵.

В действительности, однако, такое понимание марксизма далеко от подлинных взглядов его основоположников. Обосновывая материалистическое понимание истории как законосообразного процесса, обусловливаемого в конечном итоге материальными условиями жизни общества, они вместе с тем настойчиво предостерегали против какого-либо отчуждения истории от действующих в ней и определяющих ее движение людей. Указывая, что история есть «не что иное, как

---

⁴ *Stone L.* The Past and Present. Boston; L.; Henley, 1981. P. 80.

⁵ *Haffner S.* Im Schatten der Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 14—15.

деятельность преследующего свои цели человека», К. Маркс и Ф. Энгельс специально подчеркивали, что сама по себе история «не делает ничего», «не обладает никаким необходимым богатством» и «не сражается ни в каких битвах». Не «история», а именно человек, действительный, живой человек, — «вот, кто делает все это, всем обладает и за все борется»⁶.

Не менее определенно высказывался В. И. Ленин, все труды которого были пронизаны убеждением в революционно-преобразующем характере человеческой деятельности. «Мы не позволим ни одному повороту истории пройти без нашего участия, без действительного вмешательства передового класса»⁷. Это ленинское заявление, сделанное в связи с конкретным эпизодом политической борьбы в дореволюционной России, имеет общеметодологическое значение, выражая его понимание характера исторического действия, в особенности на переломных этапах истории.

В противоположность всевозможным разновидностям исторического фатализма, включая и его сталинскую версию, творческий марксизм исходит из того, что история делается людьми — массами, классами и иными социальными группами, партиями, отдельными личностями. И именно потому, что история не просто «происходит», а делается в борении людских интересов, целей, страстей, в ее рамках всегда противобор-

---

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 7.

ствуют различные тенденции-альтернативы общественного развития.

Альтернативность в истории диалектически связана с исторической необходимостью⁸. Выражая объективно существующие стороны и связи общественной жизни, историческая необходимость представляет генеральную тенденцию развития общества, его поступательное движение. Однако в конкретной исторической действительности эта тенденция никогда не реализуется автоматически и, что особенно важно подчеркнуть, заранее predetermined образом. Отсюда следует, что историческая необходимость в реальной общественно-политической практике может выступать в различных формах, каждая из которых, выражая определенные связи конкретной действительности, будет по-своему закономерной. Иными словами, реально существующая историческая закономерность, представляющая собою существенно необходимую связь явлений, ограниченную определенными пространственно-временными рамками и складывающуюся в процессе деятельности человека, не является простым объективированием исторической необходимости, однозначно запрограммиро-

---

⁸ П. В. Волобуев выделяет два уровня альтернативности: общесоциологический и конкретно-исторический. На первом из них выбор альтернатив осуществляется на уровне базиса и, как правило, сводится к борьбе двух взаимоисключающих возможностей. На втором же существует множество различных тенденций общественного развития (см.: *Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность.* М., 1987. С. 33—36). Нас интересует этот второй уровень, с которым преимущественно и имеет дело историк.

ванным всем предшествующим развитием общества. Напротив, ее можно определить как конкретный результат той борьбы, которая ведется в обществе вокруг реализации исторической необходимости.

Мы можем, таким образом, определить историческую закономерность как победившую альтернативу, ставшую вследствие этого предметом изучения истории. Однако, рассматривая ее, историк обязан выявлять и учитывать все другие, противостоявшие ей тенденции общественного развития. Иначе его изображение приобретает апологетический характер, а весь исторический процесс — налет фатализма. В действительности же он изобилует альтернативными ситуациями, которые характеризуются «борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития»⁹. Это своеобразные «перекрестки» развития общества, когда в борьбе различных тенденций-альтернатив надолго определяется его облик. Именно в таких альтернативных ситуациях ярче всего выступает «делание истории» человеком. И это «делание» приобретает тем более значительный размах, чем масштабнее, организованнее и сознательнее участие в истории субъективного фактора.

В этом смысле история человеческого общества являет собою поступательное движение из «царства необходимости» в «царство свободы». Если жизнь человека в первобыт-

---

⁹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 73.

ном мире почти целиком детерминировалась природными условиями, оставляя мало места для свободного выбора, то по мере развития производительных сил общества, усложнения его социальной структуры, роста его политической и духовной культуры рамки альтернативности в истории неуклонно возрастают. Мир становится все более многообразным, и в этом увеличивающемся многообразии, пестроте составляющих его политических, социальных, экономических структур, а также форм духовной жизни воплощается фундаментальная тенденция всей человеческой истории — прогрессирующее возрастание творческой роли человека в истории, определяющей тот или иной ее поворот.

Мы можем, таким образом, говорить о возрастающей альтернативности истории как ее важнейшем законе. Но действует он, как и другие общественные законы, не автоматически. Восторжествовавшая альтернатива, стремясь к безраздельному господству, нередко жестоко подавляет всякие иные тенденции общественного развития, равно как и чуждые ей формы хозяйственного быта, духовной культуры и т. п. Если ей это удастся, действие закона, естественно, рассматривается, но тем самым нарушается нормальное развитие общества. Такое общество способно развивать на более или менее ограниченный срок огромную энергию, ставить перед собою крупные цели и добиваться значительных результатов в их осуществлении, но, лишённое внутреннего источника своего движения, оно быстро утрачивает динамизм

развития, а с ним вместе и историческую перспективу. Примером могут служить древневосточные общества, характеризовавшиеся выраженными чертами застоя. Достаточно сравнить их с бурно развивавшимся античным миром, чтобы убедиться в историческом превосходстве многообразия над единообразием.

Разумеется, в обоих случаях мы имеем дело с исторической необходимостью, однако, формы ее проявления оказались весьма разными, в чем, собственно, и нашла свое выражение альтернативность исторического процесса. В этом смысле можно сказать, что альтернативность «корректирует» историческую необходимость, обуславливая не только формы и темпы ее реализации, но и в определенных случаях сам ее объем. Ведь так называемые окаменевшие цивилизации, которые несут на себе печать своеобразной поломки механизма альтернативности, как раз и являют собой пример неполной реализации исторической необходимости.

Такая «поломка» или прямое подавление механизма альтернативности неминуемо ведет к деградации общества. Лишенное возможности свободного выбора альтернатив, возникающих в процессе его развития, оно «каменеет» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, проблема альтернативности — это проблема нормальной жизнедеятельности общества, его способности к саморазвитию, а следовательно, к устойчивому поступательному движению. Вот почему такое актуальное значение приобретает изучение механизма ее действия.

В различных общественно-экономических системах этот механизм вырабатывается и действует по-разному. Так, плюралистическая природа современного капиталистического общества открывает широкое поле для существования и противоборства самых разных альтернатив. Разумеется, мы не должны выпускать из виду изрядную дозу социальной демагогии, присущую его политической организации, где нередко, в особенности в рамках двухпартийной системы, место действительного выбора занимает мнимый; следует помнить и о классовом характере буржуазной демократии, выражающемся в создании многочисленных препятствий для деятельности коммунистических и других левых сил и представляемых ими альтернатив. Тем не менее выработанному современным буржуазным обществом механизму альтернативности нельзя отказать в известной гибкости, приспособляемости к изменяющимся условиям, способности находить более или менее адекватный ответ на вызовы времени. Показательным примером служит эффективное использование плодов НТР, что привело к структурным сдвигам в этом обществе, способствовавшим его известной стабилизации и модернизации.

Мы можем говорить о стихийном действии механизма альтернативности в современном буржуазном обществе, обеспечивающем при всех своих очевидных издержках возможность его поступательного развития. Выраженный гетерогенный характер этого общества порождает широкий спектр многообразных альтернатив, а хорошо отработанный

ный механизм буржуазной демократии открывает известный простор их действию в целях укрепления основ существующего строя.

Иначе обстоит дело в социалистическом обществе. В условиях отсутствия в его структуре антагонистических классов, с одной стороны, и исторически сложившейся однопартийной системы¹⁰ — с другой, существенно трансформировался сам механизм действия альтернативности. Прежде всего утрачена та стихийность, которая коренится в классовых антагонизмах, присущих буржуазному обществу, и соответственно выражена в борьбе капиталистической и социалистической альтернатив. Что же касается выбора путей в рамках социалистической альтернативы, то, как свидетельствует опыт истории, в условиях однопартийной системы его эффективный механизм стихийно сложиться не может, и здесь мы вновь возвращаемся к проблеме субъективного фактора. Всегда значительная, его роль особенно возрастает при социализме вследствие самой природы социалистического общества. Здесь как никогда раньше большое место принадлежит сознательной, целенаправленной деятельности человека, но как никогда велика и ответственность за эту деятельность, ибо она может быть не только созидательной, но и разрушительной. При огромной централизации

---

¹⁰ Положение принципиально не меняет наличие в некоторых социалистических странах нескольких партий, ибо все они признают руководящую роль коммунистической партии.

государственной власти и административно-го управления любая, сама по себе, казалось бы, незначительная ошибка, сделанная в «верхах», многократно тиражируемая и усугубленная в «низах», способна превратиться в серьезную деструктивную силу в масштабах всего общества. Во сколько же раз возрастает в авторитарных условиях цена откровенно преступного действия или бездействия! А главное — в этих условиях исключается возможность свободной борьбы мнений вокруг постоянно выдвигающихся жизнью проблем общественного развития.

Социализм только тогда сможет раскрыть свои возможности, когда обеспечит развитие всех вытекающих из его природы тенденций-альтернатив, выражающих весь спектр позиций и интересов соответствующих классов, социальных групп, национальностей и т. д. Только свободное соревнование этих тенденций может обеспечить выбор оптимальных путей развития, наиболее соответствующих природе социализма. Поэтому важнейшей задачей социалистического общества является создание условий для действительного плюрализма альтернативных подходов к решению его насущных проблем.

Отсюда вытекает настоятельная необходимость провозглашенной XIX Всесоюзной партийной конференцией реформы политической системы. Только фундаментальное обновление сложившейся в условиях жесткой централизации политической организации общества, создающее подлинные гарантии социалистического плюрализма, может привести к выработке эффективного механизма

действия альтернативности, а следовательно, и к устранению деструктивных последствий, имманентно присущих авторитаризму как в социальном мышлении, так и в политическом действии.

Важно, однако, подчеркнуть, что речь идет о возможности, которая отнюдь не автоматически реализуется в исторической действительности. Самая радикальная политическая реформа останется пустым звуком, если она не будет сопровождаться ростом политической культуры, подъемом общественного самосознания. Дело не просто в наличии демократических форм, обеспечивающих возможность социалистического плюрализма, а в том, каким реальным содержанием они наполнены, что, в свою очередь, зависит от степени зрелости общественного самосознания, господствующих умонастроений.

Так мы вновь возвращаемся к проблеме субъективного фактора в истории, обеспечивающего торжество той или иной альтернативы, равно как и эффективное функционирование самого механизма исторической альтернативности. Отсюда вытекает настоятельная необходимость изучения всех его измерений, в том числе далеко не в последнюю очередь психологического. Ибо в его действии лежит ключ к пониманию реального исторического процесса, состоящего из бесконечной цепи конкретных исторических закономерностей, формирующихся в ходе и результате деятельности человека. Поэтому нашей настоящей задачей является осмысление диалектики объективного

и субъективного в истории, очищение изображения ее от всякого налета фатализма, с одной стороны, и волюнтаризма — с другой. Только при этом условии опыт прошлого станет действенным подспорьем в решении проблем настоящего.

ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ

Б. Р. Лопухов

История становится сегодня предметом особого внимания не только историков-профессионалов, но и широкой публики. Так всегда бывало и бывает, когда общество переживает переломные моменты своего развития. Встают вопросы об исторических судьбах и традициях, о связях и разрывах с прошлым, о закономерностях, которые обнаруживают себя только на протяжении сравнительно большого исторического периода. Люди вглядываются в лики героев и выдающихся преобразователей прошлого, пытаясь уловить в них черты сходства и несходства с теми, кто творит историю уже в наше время.

И на фоне этого всеобщего интереса к прошлому бросается в глаза своего рода «дефицит доверия» к советским историкам-профессионалам. И дело здесь не только в слишком уж вольном обращении с прошлым, которым до сих пор грешили многие наши исследователи, писавшие как по отечественной, так и по всеобщей истории. Среди ряда других причин дело здесь и в отсутст-